

В. А. Лобач
«Тайные знания» латышей в представлениях
белорусских крестьян Витебского региона

Лобач Владимир Александрович, Полоцкий государственный университет (Полоцк, Беларусь), кафедра истории и туризма, профессор, доцент, доктор исторических наук, nordic972@gmail.com

В традиционной картине мира белорусских крестьян представители «чужих» этнических групп имели амбивалентный символический статус. Латышские колонисты на территории Беларуси характеризовались местным населением как трудолюбивые, хозяйственные, порядочные люди. В то же время латышам приписывались особые «тайные знания» в сфере народной медицины и в области вредоносной магии (колдовства). В основе представлений о необычных способностях латышей лежит их языковое отличие от белорусов, воспринимавших латышский язык как средство магического воздействия. При этом латышские переселенцы в Беларуси чаще выступали в образе «народного доктора» (знахаря), а коренные жители Латвии – в ипостаси колдунов. Полевые этнографические исследования 1990–2010-х гг. на территории Витебского региона показывают, что представления о «тайных знаниях» латышей характерны для пожилых белорусов, которые имели личный опыт общения с представителями прибалтийского народа.

Ключевые слова: белорусы, латыши, магические практики, народная медицина, колдовство, традиционная картина мира, Витебский регион.

Исследование взаимоотношений народов двух соседних стран – Беларуси и Литвы – имеет давнюю историю и развивается в разных направлениях: этнологическом, фольклорном, социально-экономическом, политическом, культурологическом. Особое место в исследованиях межэтнических процессов занимает имагалогия – дисциплина, которая изучает коллективные представления о «чужих». В центре внимания имагологии, в ее антропологическом измерении, находится восприятие определенным сообществом других этнических, социальных, конфессиональных групп. При этом представление о «других» – это не только характеристика их реальных или кажу-

щихся особенностей, но и специфический культурный механизм самоидентификации сообщества.

Предметом данного исследования являются представления сельского населения Витебщины о «тайных знаниях» латышей, которые в практическом плане реализовывались либо в сфере знахарства, либо в области вредоносной магии (колдовства). Фактологическую базу статьи составили опубликованные этнографические источники и устные исторические материалы, зафиксированные Центром устной истории и полевых исследований Полоцкого государственного университета во время экспедиций, проведенных в 2000–2010-х гг. на территории Витебской обл.

В мифопоэтических представлениях «чужой» (в этническом, конфессиональном либо социальном измерении) потенциально соотносится с «иным» миром, но при этом имеет амбивалентный статус. В сельском социуме «чужакам» приписывались тайные магические знания позитивного (знахарство) либо негативного (колдовство) характера. В традиционной картине мира белорусов совокупность мифологических характеристик «чужого» в полной мере относилась и к латышам.

В восточных районах Витебщины, где латышские переселенцы заслужили у местного населения авторитет трудолюбивых, рачительных хозяев и добрых соседей, преобладало коллективное убеждение о знахарских способностях латышей. Еще в начале XX в. В. Иванов отмечал: «Крестьяне Куринской волости, где мне приходилось беседовать о знахарях и знахарках, упорно утверждали, что каждый латыш “знает” и у его коров нельзя отобрать молока»¹. Автор приводит истории о том, как знахарь латыш наказывает магическим образом ведьму-молочницу, конокрада, но оказывается бессильным в противостоянии с местным знахарем. «Посеял латыш горох при самой дороге. Горох уродился весьма хороший. Несмотря на то, что горох был посеян при самой дороге, его никто не трогал; если кто горохом начинал лакомиться, то он никак не мог сойти с нивы, пока его латыш сам не отпустил. Случилось завернуть в горох знахарю. Видя, что горох заколдован, знахарь вывернул наизнанку всю свою одежду и сошел с нивы, латышу же с досады он сделал так, что тот целый год был болен животом»².

В воспоминаниях респондентов о реалиях 1930–1950-х гг. также фигурирует латыш-знахарь, который помогает от различных болезней и пользуется уважением у белорусских крестьян. В Лиозненском р-не признанным специалистом по лечению зубных болезней считали старого латыша Залета: «[А што рабілі, як зубы разбалацца?] Загавар знаў Залет. Латыш. Памагаў. Адзін старык памёр, дык із

зубамі усімі. Тады і гавораць на могілках: „Ой, а як гэта ён сахраніў (зубы)?” Вот, Залет загаварыў – і ўсю жызьнь зубы не балелі»³.

В Ушачском р-не особый авторитет «сильной знахарки», помогающей от различных болезней, как людям, так и домашним животным, имела в послевоенное время латышка Анна Берзин, проживавшая в д. Старинки. «Была ў нас у Старынцы латышка. О-о-о! Ваду давала. Памагала, Бог знаець як! Так я сама хадзіла. Я пайшла вады – мая карова забалела... Яна дажэ людзям давала, есьлі вот муж пойдзець к другой, яна здзелаіць і ён прыйдзець назад. А цяпер няма такіх! Яна гэткая была баба. Ой, што вы, так людзям памагала! Тут машыны да яе аж лёталі, як яна памагала ат усякай хваробы: ад зглазу, ад зьмяі, ад грыжы – ад усяго давала. Бог знаіць, якая была бабка харошая!»⁴

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что практически никто из респондентов не помнил имени и фамилии знахарки, даже когда приходилось непосредственно обращаться к ней за помощью. В качестве собственного имени в большинстве случаев фигурирует этноним (*латышка*) в сочетании с биосоциальным (*старая латышка*) или топонимическим уточнением (*латышка из Старинки*).

Благодарные воспоминания о латышах-знахарях сохранились и в окрестностях Суража (Витебский р-н), где в довоенное время лечением людей занималась пожилая семейная пара. «Мама мая расказывала, што ў брата была падучая балезнь... І была такая латышка і латыш. Сеў латыш на каня, праехаў на кані, конь аправіўся, з гэтага паціскалі і з ложкачкі далі 2 раза. І тады прайшло. Латыш і баба яго знахары былі. Ат іспуду, ад зглазу [памагалі]. Яны былі самі паўмералі ў вайну, гаварылі [пра іх] добрае тады»⁵.

В случае близкого соседства белорусов с латышами, когда «обмен магическими „рецептами”, текстами заговоров, амулетами становился делом обычным»⁶, некоторые магические приемы были заимствованы по принципу копирования. Так, белорусы в пограничной зоне «подсмотрели» и скопировали магический способ защиты от змей, который практиковали латыши: «Пасаветавалі, нада найці тую палку, што той палкай латышы абхадзілі вакол сваіх хутароў, во тут пачынаіць іці і тут кончыць, вот вароты. Змеі тады выйдучь з ягонага хутара і не прыдучь ніколі»⁷.

Отрицательный полюс символического статуса латыша, связанный с вредоносными чародейскими практиками, в воспоминаниях о латышских колонистах в восточных районах Витебской обл. практически не встречается, если не считать упоминания о латышке, которая могла «сглазить» домашних животных: «Многа было латышоў. Эта я знаю за то, што мама расказвала... Але мама ўсё

гаварыла: „Свіні былі. Вот латышка прыхадзіла, хацела свіней купляць, а я, – гаворыць – хавала, как не зглазіла»⁸.

Нарративы о колдовстве латышей в наибольшей степени фиксируются в западных (пограничных) районах Витебской обл. и касаются коренных жителей Латвии. Это обстоятельство не является случайным, поскольку связано с концептом «границы», являющимся базовым для любого типа культуры. «Чужая» страна лишь аккумуляровала представления о колдовских способностях ее жителей, что еще в XIX в. отметил Р. Подберезский, который писал о белорусских плотогонах, которые сплавляли лес в Ригу, следующее: «Белорусские крестьяне считают латышей чаровниками... приписыванию им сверхъестественной силы способствует, вместе с непонятностью языка, их смелость и ловкость, с которой те гонят через двинские пороги своей лодки... Возвратившись... белорусский крестьянин привозит удивительные рассказы о них; они (белорусы) даже умышленно возят подарки, чтобы не раздражать чаровников»⁹.

Представления о чародействе латышей сохранились и в XX в. Показательным является случай, когда белорусы, которые жили в Латвии, приезжали к известному на Витебщине знахарю Далману (Поставский р-н) с тем, чтобы он помог от латышских «чар»: «Як счаруюць цябе, тады. <...> Эта з Латвіі прыезджалі. Там, казалі, усё людзі благія, як счаруюць, закалдууюць... У Латвіі болі гэткіх чараўнікоў»¹⁰. Неслучайно упоминаются «*вроцы латышскія*» и в заговоре от «уроц» (зглаза), который был зафиксирован в пограничном районе. «Прэсвятая Богуродзіца, Божая Мацер, стань на помач, вазьмі воду Іардань, адкінь жаркоту, пылкоту і... *вроцы маскоўскіе, вроцы жыдоўскіе, вроцы цыганскія, вроцы латышскія...*»¹¹.

Анализ фольклорно-этнографических материалов показывает, что образ латышей в традиционной картине мира сельского населения Витебщины включал в себя представления о «тайных знаниях» представителей соседнего народа. В восточных районах Витебского региона преобладало мнение о выдающихся знахарских способностях латышских переселенцев, а в пограничной зоне – убеждение о том, что коренные жители Латвии предрасположены к колдовским действиям вредоносного характера.

¹ Иванов В. В. Приметы и поверья крестьян Витебского уезда Витебской губернии//Зап. С.–Зап. отд. ИРГО. Кн.1. Вильна, 1910. С. 211.

² Там же. С. 212.

³ Фольклорный архив Полоцкого государственного университета (ФА ПГУ): Записано автором (ЗА) в 2005 г. от Козловой Людмилы Ильиничны, 1936 г.р., д. Бржезово Лиозненского р-на Витебской обл.

⁴ ФА ПГУ: ЗА в 2008 г. от Бумаги Валентины Ивановны, 1933 г.р., д. Вацлавово Ушачского р-на Витебской обл.

⁵ ФА ПГУ: Зап. Т. Володина, В. Лобач в 2007 г. от Чернышовой Анны Дмитриевны, 1927 г.р., д. Заполье Витебского р-на.

⁶ Белова О. В. Этнокультурные стереотипы в славянской традиции. М.: Индрик, 2005. С. 240.

⁷ Народная медицина: ритуальна-медыцынская практыка/Уклад. Т. Валодзіна. Мінск: Беларуская навука, 2007. С. 164.

⁸ ФА ПГУ: ЗА в 2012 г. от Жвиндо Фрузы Ивановны, 1929 г.р. (уроженка Лиозненского р-на), д. Цясты Верхнедвинского р-на Витебской обл.

⁹ Падбярэскі Р., Лісты пра Беларусь//Шляхам гадоў: Гіст.-літ. зб. Мінск: Мастацкая літаратура, 1994. С. 254.

¹⁰ ФА ПГУ: Зап. Т. Володина, В. Лобач в 2017 г. от Латышонок Марии Георгиевны, 1929 г.р., д. Веретеи Поставского р-на Витебской обл.

¹¹ Архив лаборатории белорусского фольклора БГУ: Зап. С. Сушко в 1998 г. у Войсковича Иосифа Иосифовича, 1917 г.р., д. Волковщина Миорского р-на Витебской обл.

UDC 39

U. A. Lobach

„Secret Knowledge“ of the Latvians in the Views of the Belarusian Peasants in the Vitebsk Region

Lobach Uladzimir Alexandrovich, The Polotsk State University (Polotsk, Belarus), the Department of History and Tourism, professor, docent, D. Sc. (History), nordic972@gmail.com

In the traditional worldview of the Belarusian peasants, representatives of „alien“ ethnic groups had an ambivalent symbolic status. Latvian colonists on the territory of Belarus were characterized by the local population as hardworking, economic, decent people. On the other hand, Latvians were credited with special „secret knowledge“ in the field of traditional medicine and in the field of harmful magic (witchcraft). The ideas about the unusual abilities of Latvians are based on their linguistic difference from Belarusians, when the Latvian language was perceived as a means of magical influence. At the same time, Latvian immigrants in Belarus used to act in the guise of a „people’s doctor“ (medicine man) more often, and the indigenous inhabitants of Latvia – in the guise of sorcerers. Field ethnographic research in the 1990–2010s. on the territory of the Vitebsk region show that the idea of „secret knowledge“ of Latvians is characteristic of elderly Belarusians who had personal experience of communication with representatives of the Baltic people.

Key words: the Belarusians, the Latvians, magical practices, folk medicine, witchcraft, traditional worldview, Vitebsk region.